

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «КИБЕРБУЛЛИНГ»

А.А. Маркина, студент

В.Е. Гудовичева, студент

Научный руководитель: Н.К. Семенова, канд. юрид. наук, доцент

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

(Россия, г. Калуга)

DOI:10.24412/2500-1000-2025-2-3-242-245

***Аннотация.** Статья посвящена изучению такого явления как кибербуллинг, ставшего своеобразной чумой XXI века. Интернет-травля встречается повсеместно, каждый третий пользователь сети хотя бы раз сталкивался с ним. Понятие кибербуллинга до сих пор не разработано законодателем несмотря на то, что явление стало очень распространено и его жертв стало все больше. Отсутствие единообразного понимания в научном сообществе и в правоприменительной практике вызывает сомнения и трудности при квалификации действий тролля. Приведены собственные суждения относительно понятий, предложенных учеными-теоретиками, проанализирована современная ситуация в области кибербуллинга.*

***Ключевые слова:** насилие, травля, кибербуллинг, киберсреда, цифровая безопасность.*

В современных условиях, повседневное живое общение между людьми постепенно заменяется на виртуальное. В интернет-пространстве люди общаются со своими знакомыми, друзьями, родственниками, делятся моментами жизни. Однако не всегда общение в интернете такое же дружелюбное, открытое и позитивное, как в обычной жизни. Пользователи социальных сетей все чаще стали замечать прирост негативных комментариев.

Согласно исследованию VK (российская социальная сеть), каждый третий пользователь Интернета сталкивается с кибербуллингом [1]. Для России понятие кибербуллинг достаточно ново, поэтому оно пока не получило четкого определения в научных исследованиях. Однако, если обратиться к международному опыту, то можно сказать, что кибербуллинг – «использование информационных и коммуникативных технологий (электронной почты, смартфона, Интернета, гаджетов) для сознательного, систематического, агрессивного поведения индивида (группы), целенаправленного на оскорбление и унижение других людей». Такое определение впервые выдвинул исследователь Билл Белси в 1997 году [2]. П.К. Смит и Р. Слонье определили кибербуллинг как «определенный вид буллинга, целенаправленные враждебные поступки, осуществляемые постоянно на протяжении длительного периода времени индивидом (группой) направленный против жертвы,

неспособной защититься самостоятельно» [3, с. 177-191]. На первый взгляд вторая дефиниция не сильно отличается от определения Билла Белси, однако, принципиально иное значение придают ему слова о невозможности защиты пострадавшим. Действительно, лица, сталкивающиеся с интернет-агрессией как правило, стараются не говорить об этом публично, зачастую они не предпринимают никаких действий по устранению интернет-тролля – не жалуются администрации социальной сети, не блокируют обидчика, молчат, не обращаются за моральной поддержкой к родным и близким, либо за правовой защитой в соответствующие государственные органы.

В связи с этим многие факты кибербуллинга не только остаются безнаказанными, но и попросту неизвестны. Государство, в свою очередь, пока не признает серьезно проблему кибербуллинга, о чем свидетельствует практически полное отсутствие правовых норм, позволяющих привлечь к юридической ответственности за указанные действия. Более того, на законодательном уровне нет правового закрепления такого понятия как кибербуллинг, и не установлена юридическая ответственность за его совершение.

Несмотря на отсутствие правового регулирования кибербуллинга в России, теоретики уже исследуют новое явление. Следует выделить точку зрения Е.А. Макаровой, Е.Л. Макаровой, Е.А. Махриной, которые определяют

кибербуллинг как нестандартную форму буллинга, которая включает и моральную, и психологическую агрессию, наличие власти и принуждения, бойкот или изоляцию, террор, шантаж, угрозы, реализуемые посредством коммуникации [4]. Кибербуллинг раскрыт через описание наиболее распространенных его черт и проявлений, однако, нельзя полностью согласиться с данным мнением. Представляется сомнительным обязательное указание на наличие власти и принуждения в случаях кибербуллинга, вызывают вопросы утверждения о бойкоте или изоляции. Применительно к первому положению можно смело говорить о том, что не только кибертролль имеет возможность власти и принуждения, но и жертва. В силах жертвы обратиться к администрации сайта с просьбой удалить негативное высказывание и наказать его автора, также существует такой способ защиты от интернет-агрессора, как привлечение к юридической ответственности за нарушение действующего законодательства, например, за оскорбление или клевету – стандартные примеры наличия властных возможностей жертвы по отношению к обидчику. Возможность принуждения также вызывает сомнение. Если проанализировать негативные комментарии в социальных сетях, то, как правило, они содержат оскорбления и негативно-окрашенные понятия, а не принуждение или призыв к какому-либо действию. Известны случаи, когда принуждение больше присуще жертве, например, когда пострадавший обращается к своей аудитории за помощью и поддержкой, просит «накидать жалоб» на комментарий, сообщить администрации о нарушении правил площадки и т.п.

Бойкот или изоляция в контексте кибербуллинга также имеют неоднозначное значение. Если обратиться к толковому словарю С.И. Ожегова, то бойкот (в перен. знач.) – прекращение отношений с кем-нибудь в знак протеста против чьего-нибудь поведения, поступка [5]. Если рассматривать поведение интернет-агрессора, то он, наоборот, старается чаще взаимодействовать со своей жертвой с целью воздействия на ее внутреннее состояние. Бойкот может объявить пострадавшая сторона, однако, будет ли это иметь какое-то значение для обидчика – скорее всего нет, так как жертву и тролля до акта кибербуллинга

вообще могут не связывать никакие отношения. Изоляция имеет схожее значение с бойкотом, изолировать – то есть, разобцив, обособив, отделить от окружающей среды, обстановки [6]. Несмотря на то, что Интернет-пространство занимает все больше места в жизни практически каждого человека, он все же не стал окружающей средой. Поэтому данное понятие может использоваться только применительно к изоляции в конкретной социальной сети, что тоже представляется проблематичным, так как сеть глобальна, изолировать человека от всех пользователей просто невозможно.

Более того, в рассматриваемом определении речь идет о действиях, совершаемых посредством коммуникации. Полагаем, что в случае кибербуллинга речь должна идти не просто о коммуникации, но о коммуникации в интернет-пространстве, поскольку во всех иных случаях речь может идти о буллинге, но не о кибербуллинге.

А.И. Черкасенко считает, что кибербуллинг – «это сознательные, умышленные враждебные действия против жертвы, систематически происходящие с применением современных электронных ресурсов (виртуальный террор, психологическое давление ради развлечения, шутки), последствием которых может стать самоубийство» [7, с. 91-94]. На наш взгляд, в данном определении слишком неопределенно описаны последствия исследуемого явления. Если брать во внимание, что кибербуллинг воздействует на психологическое состояние жертвы, то у пострадавших часто возникают проблемы со здоровьем, такие как бессонница, боли в голове, психосоматические болезни, депрессия. Также нередко жертвы кибербуллинга превращаются в замкнутых людей с заниженной самооценкой. Самоубийство – крайняя мера, предпринимаемая объектами травли. В этой связи, целесообразно к последствиям кибербуллинга относить не только возможность самоубийства, но и болезни нервной системы, бессонницу, депрессию и т.п.

Е.С. Ефимова [8, с. 65] даёт такое определение. По ее мнению, кибербуллинг можно определить как «преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство; социальное бойкотирование с помощью различных интернет-

сервисов». Данное определение указывает на цель кибербуллинга – преследование сообщениями, также выделяя при этом такие формы как оскорбление, запугивание, социальное бойкотирование и т.д. Однако, оно не раскрывает вопрос о субъектах кибербуллинга, поскольку для кибербуллинга важно, что есть роль жертвы, которая не может за себя постоять. Автор также не обозначает, что данное действие носит длительный характер, что не в полной мере раскрывает это понятие.

Как следует из анализа научных источников, до настоящего времени не существует единого подхода к определению кибербуллинга. Это достаточно распространенное и многогранное явление, имеющее многообразие видов проявления и т.п. Негативные последствия, которые он несет уже заметны, и на них начинает обращать внимание государство. Чаще всего такое явление встречается в школьной среде и среди молодежи. Психика подростков не готова к нападкам, у пострадавших начинаются проблемы со здоровьем. Именно поэтому, первыми кто заметил эту проблему и попытался дать понятие исследуемому явлению стало Министерство образования и науки. Некоторая ясность была внесена письмом Минобрнауки России от 14.05.2018 №08-1184. Согласно письму, кибербуллинг – преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство; социальное бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов [9]. Это определение раскрывает понятие, однако, не полностью отражает его суть. В этом понятии также содержится формулировка «бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов», данное положение уже было нами проанализировано выше. Помимо этого, узко трактуются способы совершения кибербуллинга, его виды, не содержится информация о его последствиях.

Кроме определения, данного Минобрнауки, в Российской Федерации отсутствует легальное истолкование травли в сети, она ни-

как не регулируется на законодательном уровне, не рассматривается как состав правонарушения/преступления, хотя необходимость этого назрела.

Опираясь на данные социологических опросов, можно говорить о том, что кибербуллинг является важной и актуальной, но малоизученной проблемой современности. Законодатель не оценивает травлю в сети через призму общественно опасного деяния, не придает ей правовое оформление. Хотя, на наш взгляд, она в нем нуждается, так как проблема кибербуллинга повсеместно распространена на просторах интернета, она привлекает к себе внимание как обычных обывателей, так и ученых в сфере психологии, социологии, юриспруденции.

Введение единого подхода к определению понятия «кибербуллинг» или травля в сети прекратило бы вольное толкование данного явления, способствовало бы большей определенности. Как следует из проведенного выше анализа – определения, данные различными учеными – различны, они не содержат единого подхода, поскольку каждый вкладывает свое субъективное мнение в определение понятия. Точку в этом вопросе мог бы поставить законодатель, что могло бы упростить квалификацию действий интернет-троллей и предоставить возможность защиты лиц, пострадавших от их действий.

Таким образом, можно предположить, что кибербуллинг – это систематические акты агрессии, унижения, оскорбления, морального и психологического насилия, травля одного или нескольких пользователей интернет-пространства, с использованием информационно-коммуникационных технологий, в т.ч. сети Интернет, с целью ухудшения эмоционального состояния жертвы, нарушение ее общественных связей, последствием которых может быть депрессия, бессонница, иные психологические и психические проблемы и заболевания, а также крайнее проявление – самоубийство.

Библиографический список

1. Каждый третий – жертва кибербуллинга // #неткибербуллингу: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kiberbulling.net/>.
2. Белси Б. Кибербуллинг: возникающая угроза поколению «всегда на связи». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cyberbullying.ca/pdf/Cyberbullying_Article_by_Bill_Belsey.pdf.

3. Бочавер А.А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 3. – С. 177-191.
4. Макарова Е.А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления / Е.А. Макарова, Е.Л. Макарова, Е.А. Махрина // Российский психологический журнал. – 2016. – № 3. – С. 293-311.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Азъ, 1994. – 907 с.
6. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.)
7. Черкасенко О.С. Феномен кибербуллинга в подростковом возрасте / О.С. Черкасенко // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2015. – № 6(52). – С. 91-94.
8. Ефимова Е.С. Кибербуллинг как проблема психопедагогики виртуальных сред // Успехи в химии и химической технологии. – 2014. – № 7. – С. 65-66.
9. Письмо Минобрнауки России от 14.05.2018 №08-1184 // КонсультантПлюс.

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE STUDY OF THE CONCEPT OF "CYBERBULLYING"

A.A. Markina, *Student*

V.E. Gudovicheva, *Student*

Supervisor: *N.K. Semenova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

(Russia, Kaluga)

***Abstract.** The article is devoted to the study of such a phenomenon as cyberbullying, which has become a kind of plague of the 21st century. Online bullying is ubiquitous, and every third netizen has encountered it at least once. The concept of cyberbullying has not yet been developed by the legislator, despite the fact that the phenomenon has become very widespread and there are more and more victims. The lack of a uniform understanding in the scientific community and in law enforcement practice raises doubts and difficulties in qualifying the actions of a troll. The author presents his own opinions on the concepts proposed by theoretical scientists, analyzes the current situation in the field of cyberbullying.*

***Keywords:** violence, bullying, cyberbullying, cyber environment, digital security.*